

– А почему тогда они смотрят на меня так, будто призрака увидели! — возмутилась Ань Лэ, пылая праведным гневом.

На лбу у мужчины мгновенно проступили три черные черточки.

Боюсь, вы... меньше всего имеете право задавать этот вопрос.

– Молодой господин, в прошлом месяце какой-то беспутный пьяница битый час с масляным взглядом пялился на вас. Вы заявили, что проучите его, но когда полезли за ядом, по ошибке схватили сильнейший ядовитый дым, от которого безумно хочется в туалет. Облако дыма заволокло всю улицу Чуньхуа, и все ее обитатели — и стар и млад, и мужчины и женщины — несколько дней подряд только и делали, что бегали до ветру, едва не падая в обморок от истощения. Старшая госпожа из-за этого случая лупила молодого господина так, что он больше полумесяца не мог встать с постели. Неужели вы все это забыли, молодой господин? — Сюань У поджал губы с некоторым отчаянием. Ох уж эти бедные простые люди! Их ноги бежали со скоростью света исключительно благодаря пробуждению инстинкта самосохранения и жажде жизни! Да теперь на улице Чуньхуа стоит кому-нибудь услышать, что поблизости околачивается их молодой господин, как люди рефлекторно зажимают ноги и стараются не привлекать к себе внимания!

Ань Лэ вытаращила глаза:

– Чего это они такие злопамятные? Я же вроде извинилась! К тому же, как только мне стало легче и я пришла в себя, разве я не отправила Му Линя оказать им медицинскую помощь? И прислала столько драгоценных целебных средств, каких я даже для себя жалела!

– – Верно. Вот только заторможенная реакция нашего молодого господина проявилась лишь на шестой день, когда все жители улицы Чуньхуа уже исхудали и едва дышали от непрекращающегося поноса. Несколько человек чуть на небеса не улетели — с тех пор в народе ходит уже несколько версий о том, как выглядит Мост Найхэ...

Вспомнив толстокожесть своего молодого господина, Сюань У лишился дар речи.

Внезапно раздался грохот, и в их сторону, взметая вихрь, понесся ураган, от которого задрожала земля.

Ань Лэ нахмурилась:

– Это... землетрясение?

– Это конский топот, голов двести, не меньше, — первым сообразил Сюань У. Он припал к земле, прислушиваясь, и произнес суровым голосом: — Они приближаются.

Они находились довольно близко к Южным городским воротам, и судя по топоту копыт, прямо на них неслось хорошо обученное войско.

Мать моя женщина! И это он смог определить? — Ань Лэ пораженно цыкнула языком и тоже последовала примеру Сюань У, рухнув на землю.

Тут же Ань Лэ осознала, что Сюань У лежал на земле как истинный мастер боевых искусств, в то время как сама она плашмя распростерлась словно калека, разбитый параличом.

Ань Лэ поджала губы, с невозмутимым видом поднялась, отряхнула подол и принялась анализировать текущую обстановку, размышляя про себя: неужели послы какого-то государства? Но в последнее время не было слышно ни о каких особых событиях. Не мог же это быть удельный князь? Будучи единственным ванном в государстве Фуюнь, этот старый лис Сянь-ван — кто знает какими методами — еще в прошлые годы выхлопотал у покойного императора разрешение поселиться в столице. Наверное, сейчас прячется в собственной резиденции и пересчитывает монетки, выуженные у нее? И все же... неужели это кто-то из приграничных генералов получил государев указ?

Но ведь главным среди военачальников на границе был не кто иной, как ее собственный батюшка? Несколько лет он укреплял рубежи, и неужели наконец-то сможет вернуться в столицу?!

Материк, на котором ныне оказалась Ань Лэ, не существовало ни в одной пыльной странице известной ей истории. Сидела себе дома, как вдруг ни с того ни с сего прилетела кармическая кара — в том, что она в результате несчастного случая переселилась в древнюю эпоху, сомневаться не приходилось.

Руководствуясь главным правилом выживания — приспосабливайся к тому, что есть, раз уж попал сюда, — Ань Лэ постепенно смирилась с тем фактом, что против воли превратилась в полудитя. Но в душе-то она была вовсе не сопливой девчонкой. Чтобы обрести прочную почву под ногами в этом чужом мире, ей непременно требовалось знать и себя, и противника. Лишь досконально изучив здешний уклад, можно было избавиться от бесконечной тревоги, поэтому Ань Лэ проявляла жгучее любопытство и жажду знаний ко всему, что окружало ее в этом мире.

Из обрывков сведений, которые она тайком, урывками и по крупицам добывала все это время, ей стало известно, что расстановка сил на мировой арене сводилась к противостоянию четырех государств: Фуюнь, Лоцзю, Хоянь и Бэйшу. Вот только правители во всех четырех странах подобрались один к одному — сущие безумцы с волчьими амбициями. Тому не нравилось, что земли соседа простираются слишком широко, этому — что у соседей царит благополучие и погода шепчет. Короче говоря, никто из них не мог вынести чужого счастья. Стоило кому-то отдать приказ, как земли четырех царств полыхали в огне войн уже добрый десяток лет. Императоры похрабрее частенько даже лично отправлялись в походы во главе армий. В конце концов, усердствуя в своих безумствах, все четверо монархов благополучно свели себя в могилу. Трон заняли их наследники, и лишь после этого обстановка в Фуюне, Бэйшу, Хояне и Лоцзю стала понемногу стабилизироваться. В конце концов, многолетнее взаимное

поглощение и непрекращающиеся войны изрядно подорвали коренные основы всех четырех государств. Много лет назад они пришли к соглашению и подписали мирный договор, с тех пор живя в относимости согласии — по крайней мере, на поверхности.

Что же касается ее отца — самого уважаемого в Фуюне великого генерала, маркиза Ань Ци, — то во времена смут он блистал на полях сражений, сея ужас во вражьих станах и не щадя крови. После заключения договора четырех держав ему было поручено укреплять боевой дух войск и обустраивать рубежи на границе.

И вот минуло двенадцать лет, так что ее дармовому батюшке уже давно пора было вернуться в столицу для мирной семейной жизни и прочих радостей.

При этой мысли лицо Ань Лэ мгновенно скисло. Представив бурю, которая могла обрушиться на ее голову, она почувствовала, как у нее задрожали коленки.

Нет-нет-нет... не может же все совпасть настолько удачно, утешала себя Ань Лэ.

В этот момент —

Цок, цок, цок... Две резвые лошади неслись на огромной скорости прямо в ее сторону!

— Молодой господин! — Сюань У испуганно вскрикнул, выводя Ань Лэ из задумчивости, и тут же резко дернул ее за руку, оттаскивая в сторону и совершая несколько кувырков в воздухе. Они приземлились в добрых полутора саженьях от прежнего места.

— Но! — всадники резко натянули поводья, и два гнедых скакуна встали как вкопанные, тревожно кружась на месте.

Прибывшими оказались юноша и девушка.

Мужик крепкого телосложения, с красивым лицом, глазами, мечущими холодные искры, в полном облачении и с прямой осанкой, затянул на поясе меч Цисин Лунцюань.

На другой лошади сидела девушка в красном одеянии лет пятнадцати-шестнадцати, с черным длинным хлыстом в руках. Кожа ее была бела как нефрит, а лицо — весьма прелестно, однако сейчас оно искажилось от ярости.

— Ань Лэтянь! Жить надоело? Какого черта стоишь посреди дороги и загораживаешь путь! — вытаращила глаза Ань Хэ.

Это были старший брат и четвертая сестрица Ань Лэ.

Ни жива ни мертва от испуга, Ань Лэ смотрела, как одна из лошадей продолжает топтаться ровно на том месте, где она только что лежала, и судорожно похлопывала себя по груди, благодаря небеса! Если бы Сюань У вовремя не оттащил ее, то в эту минуту ее наверняка размазало бы копытами в лепешку.

– Хочешь сдохнуть — ищи другое место, не путайся под ногами! — холодно бросил Ань Хаотянь.

Ань Лэ усмехнулась:

– Дорога широкая, идти есть куда. Улица вон какая огромная: хочу — стою на левой стороне, хочу — на правой, какое твое собачье дело? Это вы — прекрасно понимаете ведь, что день белый, людей вокруг полно, а несетесь словно угорелые! Неужто нарочно людей давить собрались? — Один приходился ей сводным братцем, другая — сводной сестрицей. С самого детства ни один из них не жаловал ее: то ли презирали за то, что рождена от наложницы, то ли завидовали тому, что она не способна блистать подобно им?

Ань Хаотянь бесстрастно произнес:

– Хм, у меня нет времени препираться с тобой. Мы спешим встретить отца у ворот города. Ты целыми днями праздности предаешься, сиди где хочешь, нашему роду Ань до тебя дела нет, но дорогу нам лучше не застили.

– Четвертая сестрица, поехали, — бросил Ань Хаотянь и, не удостоив Ань Лэ даже взглядом, взмахнул хлыстом и умчался вперед.

– Ань Лэтянь, предупреждаю: если еще раз посмеешь встать у меня на пути, пощады не жди! — Ань Хэ одарила ее свирепым взглядом исподлобья.

Ишь, вылупилась! Глазища и без того огромные, а еще таращится — напугать вздумала, что ли?

Погодите-ка... Что только что сказал Ань Хаотянь? Кого они идут встречать?

Только не это?!

Лицо Ань Лэ мгновенно вытянулось, приняв выражение человека, над которым нависла неизбежная катастрофа.

И надо же такому случиться: ее дармовой батюшка, которого она не видела целых четыре года, возвращался в столицу после перевода. Дорогу генералу Ань Ци еще по пути в столицу преграждали то один, то другой чиновник — они заливались горячими слезами и жаловались на «великие подвиги» Ань Лэ. Да ему и не нужно было заезжать в народные кварталы, чтобы

все узнать: едва он явился во дворец с докладом о выполнении поручений, как на него посыпались жалобы от доброй дюжины сановников, и каждый тыкал пальцем в его третьего сына — Ань Лэтяня.

– ...Генерал Ань! Хотя мой сын и начал первым, сказав вашему отпрыску дерзость, но слуга вашего сына сломал моему мальчику правую ногу и три ребра, из-за чего он уже несколько месяцев прикован к постели! А этот ваш мерзкий сынок заявил, что станет бить его всякий раз, как увидит! Да-да, именно ваш третий сын! Раз уж генерал вернулся, убедительно прошу вас заняться воспитанием своего мальчишки. У меня ведь единственный сын, и теперь он из-за вашего отпрыска боится нос высунуть из дома, трясаясь от страха, как бы этот негодяй не поймал его и не забил насмерть некому будет даже проводить меня в последний путь! — кипятился седобородый чиновник из министерства финансов.

– Генерал Ань! Ваш благородный сын — писанный красавец, истинный дракон среди людей, но моя Жун'эр ему не пара! Моя Жун'эр — честная девушка из приличной семьи, а он повсюду рафинирует, будто она его невеста! Куда это годится — так порочить честную девушку? Умоляю вас, уймите своего сына, пусть держится от моей дочери подальше и перестанет трепать ей имя! — надрывался обезумевший от отчаяния чиновник по особым поручениям, забрызгав слюной все лицо генерала Ань Ци.

– Генерал Ань! Мой сын отравился зельем, что подсыпал ваш третий сынок, и до сих пор пластом лежит в постели! Лекарь говорит, замешкайся они с помощью хоть немного, парень бы отдал богу душу! Вы просто обязаны дать мне объяснение! — а это кто? Хм, в чиновничьих одеждах, но незнаком. Истинно говорят: пока пропадал на заставе, в столице все переменялось до неузнаваемости.

Не зря говорят: не воспитал сына — вина отца. Выслушав столько жалоб на грехи своего третьего отпрыска, генерал Ань Ци чувствовал, что его седое лицо стерто в порошок. В ярости он вихрем примчался домой и прямо с порога направился в покои Ань Лэтяня вместе с несколькими телохранителями.

В тот момент Ань Лэтянь сидел в кабинете и внимательно изучал бухгалтерские книги, принесенные Сюань У.

Из-за того, что когда-то матушка Мужун Пиньцзю сызмальства носила ее во чреве, отравившись редким ядом, сама Ань Лэ родилась с поврежденными меридианами, и заниматься боевыми искусствами ей было заказано, видимо, на всю жизнь. Но среди прочих попаданцев разве кто-то бедствовал? Все добивались успеха и гремели на весь мир! Сама же она не умела махать мечами и копьями, да и слава Богу — кто захочет терпеть такие лишения? Но неужели после столь редкого шанса — переродиться в другом мире — ей суждено провести жизнь в одиночестве и неизвестности? Ни за что!

Поразмыслив так и эдак, Ань Лэ пришла к выводу, что превыше всего на свете стоит денежный вопрос, и твердо решила постигать науку зарабатывания денег.

В три года, снедаемая великими порывами и страдая от отсутствия средств, она целыми днями сидела на пороге дома и горько вздыхала. Служанка Я'эр поинтересовалась причиной ее кручины и, выслушав грандиозные планы малышки, конечно же, не поверила, что крохотный ребенок способен на что-то подобное, но все же доложила честно:

– Если много, то нет, но пара тысяч лянов серебра с тех денег, что оставила госпожа в приданое, у нас найдется...

Пара тысяч лянов — не так уж много, но и не мало. Для нее, сироты без гроша в кармане, этого вполне хватало.

Чтобы ворочать великими делами, нужны люди, верно? В ту пору в государстве Фуюнь гремели непрекращающиеся войны, а где много войн — там полно сирот и вдов. Ань Лэ сочла, что нет идеи лучше, чем приютить способных сирот. Хотя на их воспитание и пропитание уходила уйма денег, подростки, возвращенные с младых ногтей, были бы беззаветно преданны, да и... в конце концов, нельзя же просто так смотреть, как дети умирают с голоду! Ань Лэ верила в собственный глаз и свои таланты. Из-за войны толпы беженцев заполонили окрестности столицы, и Ань Лэ без труда отыскала множество одаренных детей. Выкупив усадьбу на южной окраине под их жилье, она обнаружила, что серебро подошло к концу.

Прекрасно понимая, что горы золота растают, если только есть их, Ань Лэ задумалась: что делать? Пришлось искать инвестора. Ее выбор пал на Сянь-вана. В государстве Фуюнь не существовало порочной практики принижения торговцев перед земледельцами. Сянь-ван был крупнейшим торговцем зерном и тканями, кому-кому, а деньгам счет он знал. К тому же он был дельцом, а главное — человеком умным. Вести дела с умниками не так уж и сложно: чтобы выудить у них средства, нужно лишь показать, что в тебе кроется выгода.

Так бедняга Сянь-ван и угодил под прицел — всего лишь за то, что в день церемонии первого года жизни Ань Лэ лишний раз зыркнул в ее сторону.

– ...Вот такоков мой план. Что думаете, ваша светлость? Если сочтете его осуществимым, можете ежемесячно выделять мне немного серебра на поддержание дела. Эти деньги пойдут как спонсорская помощь, а когда дело выгорит, я верну все до последней монеты и вдобавок буду ежегодно выплачивать вам двадцать процентов от прибыли. Как вам такое?

Хотя Сянь-вану и казалось дикостью слушать пухленького трехлетнего малыша, который, уперев руки в боки, рассуждал о таких вещах с умным видом, ему все же пришлось признать: в этот момент он был потрясен до глубины души. Ее идеи отличались невероятным полетом фантазии — взрослые мужи до такого бы не додумались, не говоря уже о ребенке.

– Забавно. Жаль только, что ты — кроха, а планы твои столь безумны. С чего бы мне быть уверенным, что ты справишься? — Сянь-ван прищурил узкие глаза, и в них мелькнул лукавый огонек.

– Этот план обладает колоссальным потенциалом, и вы прекрасно знаете, что я справлюсь, —

гордо вскинув голову, дерзко заявила Ань Лэ.

Сянь-ван усмехнулся и долго изучал ее взглядом.

- Сорок процентов, — он поднял четыре тонких пальца.

- Ни за что! Я вкладываю и силы, и людей, к тому же мне еще целое семейство кормить надо!
— возмутилась Ань Лэ.

- Пятьдесят.

- Пятьдесят? Да ты грабитель! — у Ань Лэ сузились зрачки.

- Но деньги-то даю я, — Сянь-ван на мгновение забавно надулся, совсем как ребенок, и самодовольно ухмыльнулся.

- Тридцать согласна, пятьдесят — даже не думай! — позеленев от злости, выпалила Ань Лэ. Тьфу на него! Этот тип просто грабит среди бела дня! В столице богачей хватает и без него! В конце концов... в конце концов она могла найти кого-нибудь другого!

- По рукам! — на лице Сянь-вана расцвела торжествующая улыбка, и он позвал главного управляющего своего поместья. — Управляющий Цянь, подготовьте сто тысяч лянов серебра и преподнесите юному господину.

- Племянничек~~ это тебе спонсирование аж на десять лет вперед. Погляжу я, сумеешь ли ты отбить эти деньги, — Сянь-ван подмигнул Ань Лэ.

Ань Лэ остолбенела. Она рассчитывала выбить из Сянь-вана хоть по сотенке лянов в месяц на карманные расходы, а он с ходу отвалил сто тысяч! Неужели он не боялся, что малышка сбежит со всеми деньгами?

Едва она успела растрогаться до глубины души, как перед ее носом безо всяких предупреждений шлепнули бумажный свиток. Подняв голову, она увидела сияющую лучезарной улыбкой физиономию Сянь-вана:

- Ну же, племянничек, распишись здесь. Если писать еще не умеешь, можно оставить отпечаток пальчика~ Сам понимаешь, даже между родными братьями счета должны быть ясны.

Ань Лэ потеряла дар речи. Опустив глаза, она разглядела четко выведенные черным по белому слова: «...если дело прогорит, обязуюсь служить дому Сянь-вана верой и правдой в качестве чернорабочего».

-..... - Зверь!

Ань Лэ залилась горячими слезами!

Но жизнь продолжалась, поэтому, недолго думая, Ань Лэ содрогнулась всем телом и дрожащим пальцем оставила красный отпечаток.

Так начался необычный путь одной юной девы —

Побег из дома

Когда Ань Лэ исполнилось десять лет, в столице один за другим распахнули двери павильон Хуаманьлоу, ресторан Цйсяньгэ и мастерская Жолифан, мгновенно прогремев на всю округу! В государстве Фуюнь, стоило тебе обладать слухом и хотя бы парой ушей, было просто невозможно не слышать эти три названия.

В ресторане Цйсяньгэ подавали изысканные яства для гурманов. Каждое блюдо из редких даров природы стоило баснословных денег, но при этом пользовалось невероятной популярностью. Кушанья испускали аромат на десять ли вокруг, а некоторые рецепты и вовсе не имели аналогов в поднебесной, походя на мясо дракона и феникса — стоило лишь взглянуть на них, как у посетителей тотчас текут слюнки, пробуждая дикий аппетит. Изысканность вин и блюд Цйсяньгэ была такова, что даже сутки спустя, причмокнув губами, человек продолжал ощущать послевкусие. Неудивительно, что заведение обожали высокопоставленные чиновники и аристократы: места там почти всегда были расписаны наперед, и те, кому не доставалось столика, лишь досадно топали ногами и с тоской ждали следующей очереди бронирования.

Судя по названию мастерской Жолифан, можно было подумать, будто речь шла о танцевальном или песенном доме, но на деле это оказалось прославленное ателье модных тканей. Оно снискало громкую славу не только благодаря искусным нарядам и уникальному плетению, но и благодаря неповторимому методу ведения дел. Каждые несколько месяцев, выпуская новые коллекции, владелицы устраивали «Показы мод» в сотрудничестве с музыкантами Хуаманьлоу, позволяя новомодным вещичкам шагнуть в гардеробы знати. Искусность швей Жолифан проявлялась не только в пошиве одежды: они были мастерицами и по части преображения внешности. Местным модисткам было ведомо, какой изгиб кончика черных волос смотрится лучше всего, и они отлично знали, как заставить веснушки бесследно исчезнуть. Стоило выложить нужную цену, и даже обладательница кожи цвета уголька обретала нежность и белизну топленого молока. Неудивительно, что наряды Жолифан пользовались бешеным спросом у столичной знати, а секреты преображения сводили с ума всех столичных барыш, аристократок и благородных матрон.

Что же касается Хуаманьлоу, то ходили слухи: тамошние девы и юноши были настолько хороши собой, что стоило бросить на них лишь один взгляд, как давным-давно уснувшее девичье или юношеское сердце начинало трепетать. Но рассчитывать на то, что они разделят с вами ложе, было чистейшей фантазией. Люди Хуаманьлоу продавали исключительно искусство, а не тела. И в мире, где жизнь под цветами пиона считалась верхом наслаждения,

каков же был секрет выживания этого заведения?

А заключался он в — представлении.

Будучи универсальной затворницей в прошлой жизни, Ань Лэ умела шипперить парочки, сходить с ума по кумирам и изображать наивную простушку. Главное же заключалось в том, что по образованию она была студенткой-художником и специализировалась на вокале. Ей было подвластно всё — от традиционных музыкальных инструментов до пения и танцев. Даже то, что не пригодились на профильных занятиях, она изучала самостоятельно: отчасти из любопытства, отчасти потому, что родилась в семье со средним достатком и страстно желала выбиться в люди. А чтобы пробиться среди бесчисленной армии таких же творческих выпускников, ей оставалось лишь пробивать головой стены, стремясь стать лучшей из лучших, иного пути не было.

Что же до современных инструментов, то старший брат лично обучал ее игре на гитаре и ударных, причем весьма успешно. Обладая багажом знаний человека XXI века, накопившего мудрость тысячелетий, Ань Лэ без колебаний набросала по памяти чертежи и заказала мастерам изготовление гитары и ударной установки. Конечно, инструменты получились не столь изящными, как современные, но когда Ань Лэ услышала, как самодельная гитара издает мягкие мелодичные звуки, а барабаны отбивают ритм туц-туц-туц, она поняла, что в этом мире совершила настоящий переворот!

После того как Ань Лэ вышколила каждого работника Хуаманьюлоу так, что те уверенно справлялись с гитарой и барабанами, она без стеснения вынесла на сцену современную музыку, танцы, театральные постановки и юмористические сценки. Эти замшелые консерваторы сроду не видали ничего подобного и мигом попались на крючок. Стоило Хуаманьюлоу объявить о начале представлений, которые давались раз в неделю, как сюда со всех концов стекались зеваки. Хотя билеты стоили немало, а желающих порой набивалось столько, что места приходилось разыгрывать на аукционе, обычным делом было то, что за один билет люди готовы были выложить тысячу золотых и драться за него до крови.

Раз уж удавалось отведать изысканных яств Цйсяньгэ, насладиться невиданными номерами Хуаманьюлоу, да вдобавок заприметить новинки из последней коллекции Жолинфан (ведь выступающие в Хуаманьюлоу артисты щеголяли именно в их нарядах), богачи и сановники единогласно сходились во мнении, что эта тысяча золотых стоила потраченных средств.

Можно сказать, что Хуаманьюлоу, Цйсяньгэ и Жолинфан образовывали единую бесперебойную цепь услуг.

Ань Лэ оказалась превоксходной предпринимательницей, так что даже Сянь-ван не мог не восхищаться ею. Он лишь сокрушался, что человек, догадавшийся еще в годину бросать в кадушку сокровища и вцепляться в них мертвой хваткой, и впрямь не мог не преуспеть. Те сто тысяч лянов Ань Лэ вернула ему уже через три года, причем доля от ежегодной прибыли выплачивалась без малейших задержек.

Сама Ань Лэ заведовала представлениями в Хуаманью — писала партитуры, режиссировала театральные постановки. Поскольку в прошлой жизни она крутилась в этих кругах, воссоздать все по памяти и насочинять заново для нее не составляло никакого труда.

<http://bllate.org/book/21755/2249612>